

RU

Библейский перформатив в раннехристианской германской культуре

Ледовских А. Ю.

Аннотация. Цель исследования - установить характерные особенности перформативной силы слова в текстах периода христианизации германских племен и в текстах, сохранивших языческий характер культуры. Научная новизна заключается в выявлении библейского характера перформатива в сравнении с языческой традицией древнегерманских племен. В ходе анализа древних текстов исландских саг Старшей Эдды и текстов раннего христианского периода древних германцев были получены следующие результаты: в христианской традиции перформативная категория представлена рядом характеристик: произнесенное Богом слово равно действию, иллокутивная сила фразеологизма «во имя Господа Бога» есть результат договорных отношений, сильная когнитивная связь в паре «призыв» - «действие», в то время как в языческой традиции доминируют устность и концепт беседы.

EN

Biblical Performative in Early Christian Germanic Culture

Ledovskikh A. Y.

Abstract. The study aims to determine the specific features of the performative power of the word in the texts of the Christianisation period of Germanic tribes and in the texts that have preserved the pagan character of culture. Scientific novelty lies in identifying the biblical character of the performative in comparison with the pagan tradition of the ancient Germanic tribes. By analysing the ancient texts of Icelandic sagas belonging to the Poetic Edda and the ancient Germanic texts of the early Christian period the following results were obtained: the performative category is represented in the Christian tradition by a number of characteristics, i.e. the word spoken by God is equal to action, the illocutive power of the phraseological unit “in the name of the Lord” is the result of contractual relations, there is a strong cognitive connection in the pair “call” - “action”, while the pagan tradition is dominated by orality and the concept of conversation.

Введение

Актуальность темы обусловлена значимостью лингвопрагматического характера языка, а также теории о ритуальном происхождении языка, подразумевающей, что ритуал, как центральное понятие человеческой культуры, строится на комплексе перформативности, который развивается в сложные социальные и языковые концепты. Изучение и сравнение языческой и христианской традиций на примере текстов древних германцев предлагает проследить особенности становления перформативной категории в культурном ключе.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: во-первых, определить культурный характер проявлений языковой единицы перформатива. Во-вторых, проследить характер перформатива в текстах Старшей Эдды (XIII в.), представляющих исландский эпос и языческую традицию, поскольку именно древние исландцы позднее всех подверглись христианизации. В-третьих, проанализировать специфику именно библейского перформатива в текстах раннего периода христианизации германских племен – переводе Книги Иова от Эльфрика (X-XI в.), поэме «Битва при Молдоне» (X в.), «Гимне Кэдмона» (VIII в.), поэме «Юдифь» (X в.), предисловии короля Альфреда к “Cura Pastoralis” (IX в.), «Сне о кресте» (X в.), «Жизни св. Этельтрита» (X в.).

Для описания и выявления особенностей перформативной категории в сравнительном изучении двух традиций применялись следующие методы исследования: концептуальный анализ лингвистических проявлений культурного феномена использования голоса и герменевтический подход к изучению мифологем.

Материалом для исследования послужили тексты Священного Писания (Библия. Русский синодальный перевод. 2016. URL: https://ebible.org/pdf/russyn/russyn_all.pdf), тексты Старшей Эдды в оригинале (Jónsson F. De gamle Eddadigte. Copenhagen: G. E. C. Gads Forlag, 1932) и некоторые их переводы (Речи Высокого / пер. А. И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах: в 200-х т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 9; Язык поэзии / пер. О. А. Смирницкая // Младшая Эдда / изд. подгот. О. А. Смирницкая,

М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970), а также тексты поэм на древнеанглийском языке (Baker P. Introduction to Old English. 3rd ed. Oxford: John Wiley & Sons, 2012) и текст англо-саксонских загадок из книги Экзетера (Anglo-Saxon Riddles of the Exeter Book / tr. by P. F. Baum. Durham: Duke University Press, 1963).

Теоретической базой послужили работы по теории речевых актов (Austin, 1962) и прагматике (Арутюнова, Падучева, 1985), указывающие на важность цели речевого высказывания, также труды, посвященные особенностям перформатива и роли голоса (Проскурин, 2012; 2016; Проскурин, Проскурина, 2022). Учитывалось также, что перформативной силой обладают не только глаголы, но и жанры, описывающие действие словом (Тюпа, 2014). Это отвечает теории о происхождении языка и развитии его в знаковую систему из ритуала, что описано в работах (Маковский, 1996; 1997; Топоров, 1988). Культурные явления и верования способны отражаться в словах, представляя отношения языкового выражения и стоящего за ним семантического наполнения, что подтверждается этимологическим анализом (Бенвенист, 1995). Важным аспектом исследования стали установленные характеристики устности, отраженные в письменном тексте (Проскурин, Центнер, 2014).

Практическая значимость исследования представляется в использовании результатов в курсах по индоевропеистике, сравнительной семантике и стилистике индоевропейских языков. Используемые методы семантического и прагматического исследования могут быть применены к анализу других концептов языковой деятельности и лечь в основу аналогичных исследований в культурах других языковых семей.

Основная часть

Лингвопрагматическая концепция речевого высказывания как инструмента осуществления некоторой деятельности в конвенционализированной, целенаправленной и регламентированной форме указала на прагматизацию значения, которое начинает считаться неотделимым от прагматической ситуации и рассматривается посредством определения коммуникативной направленности речевого акта (Арутюнова, Падучева, 1985). Одним из достаточно изученных свойств речевых актов является перформативность, отражающая действие через высказывания. Замена действия словом представляет собой перформативную функцию, которая легла в основу множества социальных институтов – церковь, судебная и юридическая практика, образование и др. К невербальным средствам выразительности также относится голос с его богатым семиотическим наполнением как инструмента перформативной силы.

Выражение действия через слово не ново для человеческой культуры, оно идет из древнейших ее пластов, является универсальной единицей в любом языке, поскольку не может не выражать то глубинное единство выражения мысли и действия, которое и представляет собой мифологическое сознание. Наиболее изучены лингвопрагматические сферы политического и социально-экономического дискурса современности, а также магический дискурс (заклинания, заговоры) и канонические представители перформатива (обеты, обещания, клятвы и пр.). Нам представляется, что именно библейский перформатив христианской традиции, как одной из главенствующих религий, представляет интерес в процессе становления и развития данного фундаментального типа речевого акта, регламентирующего и культурные, и языковые явления.

В основе христианской традиции как религиозной практики лежит перформатив, представляя собой фундаментальное явление культуры. «Голос оформляет “первичные перформативы”. Под первичными перформативами понимаются опорные конструкции, которые выходят за пределы логического оценивания по шкале “истинный/ложный”» (Проскурин, Проскурина, 2022, с. 70). Опорными данные конструкции называются из-за их способности создать основу культурного ядра.

По теории Дж. Остина (Austin, 1962), перформатив не имеет какой-либо оценки, он либо успешен, либо нет. Монотеистическая христианская традиция представляет мир, сотворенный Богом за семь дней, но Книга Бытия не просто описывает его действия, она запечатлевает языковую форму, которая сама же и реализует это действие: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Именно эта языковая форма закладывает в культурную основу идею о действии словом, или «первичный перформатив», совмещение слова и дела, реализованное через голосовую функцию. В Священном Писании действующее слово отображает общее понимание могущества Бога:

«Ибо Я Господь, Я говорю; и слово, которое Я говорю, исполнится и не будет отложено; в ваши дни, мятежный дом, Я изрек слово и исполню его, говорит Господь Бог» (Иез. 12:25);

«Но как сбылось над вами всякое доброе слово, которое говорил вам Господь, Бог ваш, так Господь исполнит над всякое злое слово...» (Нав. 23:15).

А также конкретные проявления этой силы через определенные действия:

Ic sette feondraðenne betwux ðe and ðam wīfe and ðinum ofspringe and hire ofspringe (Быт. 3:15) (здесь и далее тексты поэм на древнеанглийском языке взяты из “Introduction to Old English”). / Я положу вражду между тобой и женщиной, и твоими детьми, и ее детьми (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Л.);

Tō ðam wīf e swæð God eac swylce: “Ic gemaenifylde ðine urmða and ðine geēacnunga (Быт. 3:16). / Женщине сказал же Господь так: «Я умножаю боль твоею и бремя вынашивания».

Успешность перформативного изречения и такая речевая практика становятся основой мира, что в дальнейшем является базой для более крупных жанров (Проскурин, 2016).

Функциональное усложнение этого типа речевого акта в виде конвенционального аспекта, т.е. соглашение общества об его использовании, требует наличия представителя для успешной реализации акта, чей статус

был бы подтвержден каждым членом социальной иерархии как квалифицированный в данной области, поскольку высказывания перформативного рода обретают право менять статус людей, вещей и объектов реальности, создавать новые права, обязанности, запускать множество действий, несущих определенные последствия. Социальная роль и речевой акт становятся взаимозависимы и обуславливают друг друга, поэтому в древнем мире исполнителем ритуализированного события может стать только представитель определенного рода, такой как шаман, жрец, знахарь, мудрец, друид, старейшина и т.п., прошедший обряды инициации и получивший то тайное знание, позволяющее ему обращаться за помощью к высшим силам по установленным традицией канонам. Ритуализация рождает здесь тот значимый набор условностей, выполнение которых является залогом успешного исполнения обряда, а языковая формула может дополнять, заменять или выступать как независимая ступень данного процесса. Важно отметить, что архаический перформатив в древней ментальности выполняет также функцию реализации сложных отношений между несколькими сторонами – человеком и высшими силами. Отношения такого порядка являются неотъемлемой частью древней картины мира, которая выросла на основополагающем космогоническом принципе и законах, дублируя их как основу во всех сферах жизни человека. Высшим силам дана власть создавать и менять данный мир, а земные жители желают упорядочить свой мир и обрести благосостояние внешнее (здоровье, урожай, плодородие, почести и пр.) и внутреннее, духовное, задачу по реализации которого берет на себя религия. И.-е. корень **bheidh-* отражает концепт веры в производных понятиях, которые соединяют противоположные идеи «принуждения» и «надежды» (Бенвенист, 1995, с. 95). Анализ Э. Бенвенистом (1995, с. 95) этих понятий вскрывает отношения каузации между действием «доверяться» и последующим состоянием «доверия, надежды, ожидания исполнения обещанного», что отражено в другом, латинском производном того же корня *foedus* ‘договор, соглашение’. Такие отношения строятся на двух правах – первая сторона требует повиновения от второй стороны и, в свою очередь, обязывается исполнить за это обещанное. Конвенциональные отношения с главным представителем религии – высшим абсолютным существом – представлены такой же традиционной схемой ритуального обряда, которая требует медиатора, посредника, способного повлечь за собой к тому образу истинного знания, морали и благодетели, который принят в данной культуре или предлагается другой.

Перформатив в текстах языческой традиции

Древние германские племена, чьи языки входят в группу индоевропейской семьи, долгое время следовали индоевропейскому обычаю не записывать что-либо, связанное с религией. Первые древние тексты относятся уже к периоду христианизации, как у готских, немецких и английских народностей, а некоторые, например исландские, эпические тексты уже датируются концом этого периода (XI в.). Как отмечает французский лингвист Антуан Мейе (2003, с. 26), позднее распространение письма у германцев имеет преднамеренный характер, учитывая их контакт с культурами, владевшими письменной системой. Обращение в христианство запустило процесс научной и духовной деятельности, расширив потенциал монастырей. Древнеанглийские письменные памятники были созданы в этот период процветания литературы, искусства и науки (работы Альфреда Великого, Кэдмона, Беды Достопочтенного и др.), соединяя языческие корни древних германцев и христианские учения (поэма “*Beowulf*”, некоторые древние исландские саги и пр.).

Древнеисландский материал представляет собой в основном устную традицию, что можно судить по следующим параметрам: языческий характер сюжета/героев (предположительно, христианские мотивы либо были добавлены позже в повествование, либо относят текст к позднему периоду); аллитерационный стих, характерный для ранних песенных текстов германских племен, предположительно способствующий более легкому запоминанию текста (мнемоническая техника); формульные элементы, которые в песенном тексте играют ключевую роль: инициальные формулы, сюжетные формулы и пр.; слабое дробление и разделение текста (сплошной текст не делил даже разные произведения); сохранение энклитических конструкций (союзы, частицы), соединяющих текст в устной передаче, повторение синтаксических конструкций в предложении, способствующих ритмизации текста (Проскурин, Центнер, 2014).

При анализе эпических песен о богах, содержащихся в Старшей Эдде, были сделаны следующие выводы о функции голоса как оформителя первичных перформативов. В ранней языческой традиции голос неотделим от носителя, говорить могут и животные, они персонифицированы и имеют свой облик. Говорить могут и руны, в источнике «Книги Экзетера» (X в.) находятся англосаксонские загадки, одна из которых описывает их как имеющих голос:

68 Ic eom wunderlicu wiht wræsne mine stefne
 hwilum beorce swa hund hwilū blæte swa gat
 hwilum græde swa gōs hwilū gielle swa hafoc (Anglo-Saxon Riddles of the Exeter Book). /
 Я – замечательная вещь, я меняю свой голос,
 Лаю как собака, блюю как козел,
 Крякаю как гусь, кричу как ястреб.

Преобладает концептуальная область «слово», «беседа», «речи», что отражается в способности слова быть олицетворенным: “...hrópi ok rógi ef þú eyss á holl regin...” (Перебранка Локи, 4). / «...кричать и бранью грязной забрызгать всех богов», где глагол *eyss* от *ausa* в значении ‘посыпать, обрызгать’ обретает также метафорическое значение ‘оскорблять’, т.е. слово сравнивается с материальной, физической вещью, имеющей такие же характеристики. Речь становится инструментом в концепте беседы, она помогает показать свою мудрость или глупость (Речи Высокого, 4, 28, 29, 33, 63), речами меряются в мудрости и славе или «дерутся» на поединке

(Речи Вафтруднира, Песнь о Харбарде, Перебранка Локи), речами могут обманывать, как Тор долгими вопросами задержал карлика Альвиса до рассвета, после чего он превратился в камень (Речи Альвиса) и т.д. Перформатив выражается в основном в магических формулах, заклинаниях и клятвах:

110 Клятву Один дал на кольце; не коварна ли клятва? Напиток достал он обманом у Суттунга Гуннлёд на горе (Речи Высокого, перевод А. И. Корсуна);

156 Одиннадцатым [заклинанием] друзей оберечь в битве берусь я, в щит я пою, – побеждают они, в боях невредимы, из битв невредимы придут с победой (Речи Высокого, перевод А. И. Корсуна).

Знаково-символическая природа текста ярко демонстрируется анафорическими элементами или лексическими повторами (некие инициальные формулы), которые составляют формульный стиль устного творчества. В поэмах сохраняется прямая речь и каждый раз вводится глагольной формулой *N + kvað* ‘он сказал’, и именно рассказ событий от первого лица придает древним поэмам Старшей Эдды роль повествования и исторического запечатления создания мира и объектов. Голос как абстрактная сущность не появляется, у голоса всегда есть носитель: *Pá heyrá þeir mál í eikina upp yfir sik, at sá, er þar sat, kvaðst ráða því, er eigi soðnaði á seyðinum. Þeir litu til, ok sat þar örn ok eigi lítill.* / И слышат тут чью-то речь на дубу над самой своей головой. Тот, кто там сидел, сказал, будто по его воле не жарится на костре мясо. Они глянули вверх: сидит там орел, и не маленький (Язык поэзии, I, перевод О. А. Смирницкой).

Более важен в исландских текстах концепт беседы, речи как представления о человеке/боге, где слово олицетворяет это представление и знание, собранное о мире.

Голос как мистическое явление начинает проявляться в более поздних текстах, когда древнегерманская культура переняла традиции христианства. «Гимн Кэдмона» – изложенная в “*Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*” бенедиктинским монахом Бедой Достопочтенным (VII-VIII вв.) история о неграмотном пастухе (IV.24) Кэдмоне, который, не умея играть на инструменте и петь, в очередной раз уходит с праздника, где поют его друзья; этой же ночью ему снится сон, в котором некий человек просит его спеть что-нибудь. Поддавшись на уговоры, Кэдмон поет историю о создании мира (*frumsceaft – first creation*). Наутро он рассказывает о чуде аббатисы и со временем становится монахом и поет гимны, перекладывая слова в красивые песнопения. Такая история примечательна несколькими моментами – важность устной передачи информации, которая не отходит на второй план с появлением письменности, но остается доминантой системой хранения информации, более того, обладает особым социальным статусом, переносящим ее в сферу высшего и духовного творчества. Таинственна теперь фигура просителя, явившегося Кэдмону во сне, нет абсолютно никакого ее описания, кроме OE ‘*þa stod him sum mon æt’ – then stood near him some man*, т.е. какой-то человек, нечто; важна лишь его голосовая функция, представляющая собой некий абстрактный образ, но еще не являющаяся в виде чистого голоса, что характерно для истинно христианской традиции. Такая анонимная персонализация дарителя, который облагодетельствовал даром пастуха, может быть отголоском более древней языческой традиции описывать мир в рамках личностной сферы, т.е. с опорой на человеческий прообраз и его действия, что отвечает антропоцентричной концепции описания мира в индоевропейской традиции.

Библейский перформатив и голосовая функция

Сложный концепт религии, как отражение духовного начала человека, опирается на идею обращения человека к веру, следование ее морально обоснованным высоким принципам жизни и законам, регулируя взаимодействие человека со своим внутренним миром и с миром внешним. Религия использует рече-поведенческую тактику призыва как инструмент, способный воззвать к чистому началу в человеке и призвать его сопротивляться низшим животным порывам. Аналогичным образом религиозные писания призывают воспевать и восславлять Господа Бога, что, по сути, также является перформативной формулой, поскольку не просто предвещает действие, запуская механизм его выполнения, но выражается языковой формой, которая и представляет этот акт:

...swā Pētrus se apostol swað: “Weoð sýfre and wacole <...> Wiðstandað þám, strange on gelēafan” (Книга Иова от Эльфрика, 20). / ...тогда Петр апостол сказал: «Будьте сдержанны и бдительны <...> Выдержите это, сильные верой»;

Beo his nama gebletsod (Книга Иова от Эльфрика, 41). / Да будет благословенно его имя;

Gode ælmihtegum sie ðonc ðætte wē nū ænigne onstal habbað lārēowa (Предисловие короля Альфреда к “*Cura Pastoralis*”). / Благословен будь Господь, что у нас сейчас учителей в достатке.

Важной характеристикой перформативной силы становится заложенная вера в существование имени, его связь с носителем становится материальной и произношение имени вслух реализует эту связь. Πᾶς ἄνθρωπος ἑπικαλέσεται τὸ ὄνομα κυρίου σωθήσεται (Рим. 10:13). / Каждый (действительно, в самом деле), кто бы ни воззвал (назвал) *имя Господа*, будет спасен (исцелен). Поскольку телесной оболочки у Бога нет, есть только эфемерная сущность, познать которую можно лишь душой, то имя, которое можно произнести, следовательно, признать носителя реальным здесь и сейчас, замещает образ Бога вездесущего, всеединого, являющегося самим бытием. Фразеологизм «во имя», использующийся в качестве предлога, обретает семантическое указание на цель действия со значением ‘ради кого-то, чего-то’ – во имя красоты, во имя победы и т.д., а также значение ‘во славу, в честь, именем’.

Призыв Бога происходит через взывание к его имени, во имя Господа, именем Господа. Через упоминание и прославление его имени происходит обратная связь Бога с человеком. То есть имя и становится тем перформативом, могущество которого приравнивается к проявлению любой божественной благодати, а именно: победа в битве, слава, мощь в бою, справедливость на стороне верующего в любом благом

деянии и начинании. Отсылки к слову, произносимому Богом, немногочисленны, но все они подтверждаются в последующем эффективными ответными действиями, которые были приведены в реальность этими словами. Глагольные формы при этом не характеризуют образ действия:

Ongan *dā* swēgles Weard be naman nemnan (Юдифь, 80-81). / Начала она Хранителя Небес звать по имени;

Hī *dā* se hēhsta Dēma *ādre* mid elne onbryrde swā hē dēð *ānra* gehwylcne hērbūendra þe hune him tō helpe sēceð mid rāde ond mid rihte gēlēafan (Юдифь, 94-97). / Тогда Высший Судья тотчас же мужество в нее вселил, как он поступает с каждым жителем, кто следует за ним, ища помощи с благоразумием и истинной верой.

Приведенные строфы из древнеанглийской поэмы «Юдифь» – о мудрой женщине-воительнице, убившей предводителя ассирийцев Олоферна с помощью Господа Бога и как доказательство его могущества принесшей голову поверженного вождя к своему народу, взывая его к ответной битве против осаждающих их город врагов:

Berað linde forð, bord for brēostum ond byrnhomas, scīre helmas in sceaðena gemong. Fyllað folctogan fāgum sweordum fāge frumgāras (Юдифь, 191-195). / Несите щиты перед грудью, и латы, и блестящие шлемы, в сборище врагов. Свергните их повелителей переливающимися мечами, обреченных вождей;

Fynd syndon ēowere gedēmed tō dēaðe, ond gē dōm āgon tīr æt tohtan, swā ēow getācnod hafað mihtig Dryhten þurh mīne hand (Юдифь, 195-198). / Ваши враги приговорены к смерти, и вам достанется слава и честь в битве, как то предвещал вам Всемогущий Господь моей рукою.

Рука Юдифи, убившая Олоферна, становится посланником небесной воли, взывая народ к противодействию. Героиня представляет себя посредником Бога, его рукой, превращая свои реальные заслуги в результат устных договорных отношений – за истинную веру и следование божественной мудрости можно получить желаемое, если оно соответствует истинной же справедливости. Такой договор не является чем-то абстрактным, он подкрепляется именно языковой формой, по сути давая этой связи реализовываться только в момент речевой коммуникации – взывание или называние имени Бога манифестирует желаемое в реальности, что и составляет перформативное ядро системы языка. Прямая перформативная сила здесь создает каноническое представление о силе воздействия словом, что характеризуется несколькими аспектами, в частности конвенциональностью:

Þā wurdon blīðe burhsittende sūdðan hī gehyrdon hū sēo hālige spræc ofer hēanne weall (Юдифь, 158-161). / И обрадовались тогда жители города, как услышали, что святая говорит с высокой стены.

Принятие социумом представителя высшего существа отражается в субстантивированном прилагательном *hālige* ‘святая’, приравнивая статус Юдифи к небесному, и одобренный самими людьми этот статус дает ей право говорить от лица Бога и призывать свой народ на битву в его честь, обещая им славу. Более того, акт воззвания к Господу Богу становится синонимичным актом обращения в христианскую веру и воздаяния ему молитв.

Nū ic gumena gehwæne þyssa burglēoda biddan wylle randwīgendra, þæt gē recene ēow fýsan tō gefeohte sūdðan frumða God, ārfæst Cyning, ēastan sende lēohtne lēoman (Юдифь, 186-191). / Сейчас всех мужчин из горожан просить хочу, воинов, вооруженных щитами, поспешить на битву вслед за Всевышним Творцом, милосердным Царем, принесшего с востока яркий свет.

В данном контексте союз *sūdðan* ‘за, вслед’ дублирует побуждающее действие войска идти за своим предводителем, выступающим как представитель небес, косвенно отображая тот же акт взывания к его имени и следование его мудрости – как Юдифь позвала Бога по имени и получила его помощь, так и ее народ, следуя за ней, будет идти за Богом, за что получит свою награду. Таким образом, буквально «следовать чему-либо или за кем-либо» метафорически порождает и понятие следования моральным устоям, благодетели, истинной вере, т.е. тем абстрактным концептам, отражающим духовное начало человеческой сущности. Сопутствующие этой метафоре языковые выражения – обратиться к Богу, следовать Богу, обратиться в веру – отображаются в первичном акте «обратить свое лицо в сторону чего-то или кого-то, повернуться на голос».

Ко Мне *обратитесь*, и будете спасены, все концы земли, ибо Я Бог, и нет иного (Ис. 45:22);

Ты напоминал им *обратиться* к закону Твоему, но они упорствовали и не слушали заповедей Твоих... (Неем. 9:29);

Великая слава – *следовать* Господу, а быть тебе принятым от Него – долгоденствие (Сир. 23:37).

Языковая форма союза *sūdðan* не просто отображает само действие и руководство к нему, но и переносит роль ведущего с реального человека – Юдифи, женщины-предводителя – на божественное начало. Таким образом, культурный персонаж, медиатор, посредник – обязательный элемент перформативной формулы, вследствие чего социальные институты в дальнейшем опираются на его роль как представительный образ, наделенный властью – от Бога или от народа, и такая власть закреплена обществом особенной конвенциональной силой. В контексте буквальной идеи следования за Богом/предводителем данная формула посредничества отображает силу голоса как инструмента «первичного перформатива» и завязывает сильнейшую когнитивную связь между элементами «призыв» – «действие».

Еще одним ярким представителем реализации этой связи «призыв» – «действие» является языковое поле воинской тематики, которое изобилует перформативными формулами, поскольку побуждение к действию – обязательный атрибут любой военной кампании. Выделение этого речевого жанра, который можно назвать «боевой призыв», «вдохновляющая речь» и т.д., проявляется широким спектром рече-поведенческих тактик – восхваление, поощрение, приказ, угнетение, угроза, запугивание, обещание, насмешка, ободрение, уничижение врага (в этой сфере одним из древнейших жанров древнескандинавских поэм являются поэмы-перебранки или словесные состязания в мудрости (Песнь о Харбарде, Перебранка Локи, Речи Альвиса, представленные исключительно прямой речью)). Практика вдохновения войска на победу, предсказания ему славы

и почестей, возбуждения к опасным и насильственным действиям, которые, по сути, идут вразрез с глубоко врожденными инстинктами человека о самосохранении, открывает упрочнившуюся взаимосвязь и взаимовлияние между двумя элементами разных систем – биологической и языковой, словом и физиологической реакцией организма на него. Намеренно человек может в одиночку или группой напасть на более слабое или более сильное звено животного мира, но для этого должны быть веские причины, такие как добыча пищи (охота) или защита (себя, общины, потомства). Именно повышение гормона адреналина в крови отвечает за обострение чувств и повышенный кровеносный обмен, что, в свою очередь, способствует увеличению силовых показателей и обострению реакции, играющих в боевых действиях ключевую роль и способствующих выживанию. Такие литературно возвеличенные качества бойца, как храбрость, мужество или отвага, имеют определенный набор химических связей в организме, способных активироваться от внешнего раздражителя, будь то опасный противник в момент нападения или возбуждающая речь полководца. Речевая деятельность участников военного дела или военная речь, обладающая богатым набором жанров, относится к постановке и решению задач на военной службе, что напрямую зависит от выбора средств речевой коммуникации, и когнитивным признаком прагматического аспекта военного дискурса будет прямое исполнение приказа. В таких отношениях также наличествует посредник, исполнитель воли – божественной, королевской, народной и др. – в лице полководца, военного предводителя, революционера и пр. всевозможных исполнителей. Побуждение к действию носит характер инструкции, при этом запускает механизм выполнения действия, что уже есть не первичный перформатив, но сложный комплекс когнитивных и прагматических параметров.

Ðā þær Byrhtnōð ongan beornas trymian, rād and rædde, rincum tæhte hū hi sceoldon standan and þone stede healdan and bæd þæt hyra randas rihte hēoldon fæste mid folman and ne forhtedon nā (Битва при Молдоне, 17-21). / Тогда Биртнот начал воинов вдохновлять, сидя верхом, и воинов наставлял, как они должны стоять и удерживать позицию, и просил, чтобы щиты держали крепко руками и ничего не боялись. В данном примере перформатив остается в ткани повествования, хоть и не выражен эксплицитно.

Нередко в структуре повествования могут быть найдены имплицитные примеры, что делает характер речевого поведения ожидаемо именно перформативным:

Dēað hē þær byrigde; hwæðere eft Dryhten ārās mid his miçlan mihte mannum tō helpe (Сон о кресте, 101-121). / Смерть он [Иисус] там познал; все же Господь своим могуществом поднял, людям помочь;

Hī rēowan þā tō Grantanceastre, and God hī sōna gehradode, swā þæt hī þær gemētton āne mære þrūh (Жизнь св. Этельтрит, 19). / Они поплыли в Грантчестер, и Бог немедленно их благословил, так что они нашли там чудесный гроб;

...and Godes miht is geswutelod sōðlice þurh hī, þæt hē mæg ārāran dā formolsnodan lichaman (Жизнь св. Этельтрит, 26). / Сила божья воистину проявляется сама собой, поскольку может он поднять мертвые тела.

В данных отрывках говорится о могуществе божественном, но способы его действий – воскрешение мертвых или благословение – не уточняются, как и в случае с воинским вдохновением в поэме «Юдифь». Мы можем лишь предполагать устный способ применения силы, поскольку на начальном этапе создания вселенной, которая демонстрирует могущество Творца, именно он становится основой для перформативного ядра культуры, которая предлагает инструмент голоса достаточным для создания и конструирования реальности. Ветхозаветная концепция показывает, что изречения Бога являются успешными перформативами, поскольку создание мира и называние в нем объектов есть сами действия и изречения. Даже само имя Господа становится перформативной формулой, выражаясь в иллокутивном речевом высказывании «во имя Господа Бога».

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Языковой аспект перформатива в культуре проявляется в речевых практиках, определяющих фундамент культуры. При этом в языке он может имплицитно выражаться в таких рече-поведенческих практиках, которые связаны напрямую с совершением действия, но не используют каноническую перформативную формулу.

Данное явление менее характерно для языческой традиции, поскольку она не отделяет голос от носителя. Эпические тексты Старшей Эдды показывают, что мифологическое сознание не абстрактивирует такое понятие голоса, оно стремится описать реальность через чувственное восприятие своего образа (антропоцентрический принцип), с опорой на уже имеющийся в его опыте прецедент.

Поскольку именно голосовая функция оформляет «первичные перформативы», то одним из факторов их дальнейшего семиотического наполнения и развития стали библейские мотивы. Представление о могуществе Бога реализуется в создании им мира, что отвечает концепции о действии словом, если оно произнесено авторитетом. Такой авторитет может сам стать семантическим носителем перформативной силы, что отразилось в иллокутивном характере устоявшейся библейской формулы «во имя Господа Бога» и демонстрирует договорные отношения с ним верующих. Также авторитетная сила закладывает основу в когнитивном ответе действием на призыв. Таким образом, в русле христианской традиции ритуальный характер древнейших магических устных практик развивается в фундаментальный тип речевого акта, регламентирующий и культурные, и языковые явления.

Перспективы дальнейшего изучения нам видятся в классификации характеристик ранней речевой практики, способствующей концептуализации явлений как в древности, так и в современности, поскольку миф отражает единство культуры, языка и мышления.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступит. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр.; общ. ред. и вступит. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
3. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996.
4. Маковский М. М. Язык - миф - культура. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
5. Мейе А. Основные особенности германской группы языков / пер. с фр.; под. ред., с предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд-е 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Проскурин С. Г. Древние перформативы и римское право // Вестник НГУ. Серия «Право». 2012. Т. 8. Вып. 2.
7. Проскурин С. Г. Ранняя перформативность // Критика и семиотика. 2016. № 2.
8. Проскурин С. Г., Проскурина А. В. О формах манифестации магической функции языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 3.
9. Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предьстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Изд-е 2-е, испр. Новосибирск, 2014.
10. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский; отв. ред. Е. С. Новик. М., 1988.
11. Тюпа В. И. Перформативные основания лирики // XLII междунар. филологическая конференция (г. Санкт-Петербург, 2013 г.): избранные труды. СПб., 2014.
12. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.

Информация об авторах | Author information**Ледовских Антонина Юрьевна¹**¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет**Ledovskikh Antonina Yurevna¹**¹ Novosibirsk State University¹ a.ledvoskikh@g.nsu.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): германская культура; перформатив; христианизация; язычество; голосовая функция; Germanic culture; performative; Christianisation; paganism; voice function.